

О. А. ОСИПОВА (Томск)

ОБЩИЕ СЛЕДЫ АКТИВНОЙ СТРУКТУРЫ В СКЛОНЕНИИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В УРАЛЬСКИХ, ЕНИСЕЙСКИХ И ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКАХ

В уральских, енисейских (в кетском языке) и древних индоевропейских языках существительное обнаруживает следы иного строя в прошлом. Предметом рассмотрения будет парадигматика существительного. Типологически сопоставляются языки разных семей, но объединяет их идентичность выражения одушевленности в склонении, что и квалифицируется нами как реликт доминативного строя.

Идентичность выражения одушевленности мы видим в показателях родительного падежа в кетском языке, где для этого существует специальная серия аффиксов (Дульзон 1968 : 70, 605—606). На особую роль показателей родительного падежа в кетском указывает Г. К. Вернер, проводя параллели с индоевропейскими языками, в которых первоначально родительный падеж был связан с именами активного класса, т. е. с именами, обозначающими деятеля (Вернер 1984 : 12—13). В последнее время считается вполне доказанным, что форма родительного падежа единственного числа в кетском *də* местоименного происхождения с притяжательной функцией (Топоров, Цивьян 1968 : 243—244; Валл, Вернер 1973 : 29—30; И. Г. Вернер 1972 : 15; Г. К. Вернер 1974 : 38, 41).

В уральских языках показателями родительного падежа, где они имеются, чаще всего служат *-л* или *-т*. Судя же по идентичности построения самодийских склонений с кетскими (Прокофьев 1935 : 17; Беккер 1978 : 34; Терещенко 1979 : 84, 92), показатели этого падежа могли, вероятно, использоваться также для выделения активного класса имен. Примечательно, что в финно-угорских языках «уже в языке-основе была заложена тенденция выделять людей из мира предметов путем употребления особых местоимений. Эта тенденция должна была получить свое грамматическое оформление в применении особого форманта — местоименного суффикса *-л*» (Майтинская 1962 : 79). К. Е. Майтинская отмечает, что эта тенденция не получила полного развития, но на основе типологических параллелей можно предположить, что она оставила свой след в склонении имени в ряде уральских языков.

По ряду косвенных данных мы относим к одному из средств выражения одушевленности в уральских языках посессивные форманты, формирующие лично-притяжательные склонения, а в индоевропейских — консонантные основообразующие форманты в парадигматике имени. Сопоставим парадигмы склонения существительного в единственном числе в кетском, в некоторых уральских и индоевропейских языках.

В большинстве уральских языков лично-притяжательные суффиксы

присоединяются к основе существительного, затем следуют падежные окончания; во множественном числе эти суффиксы следуют за показателями множественности, к ним присоединяются падежные показатели (Терешкин 1966 : 324; Ромбандеева 1966 : 346; Лыткин 1966 : 286, 304).

Как видно из распределения лично-притяжательных суффиксов в коми языке, в некоторых падежах они предшествуют падежным показателям, а в некоторых следуют за ними. Б. А. Серебренников считает, что дальше всего должны располагаться формативы, обозначающие отношение между предметами. Формативы же, обозначающие качества предметов, к которым он приравнивает и формативы, выражающие притяжательные отношения, всегда помещаются после корня или основы слова (1979 : 347). Поэтому следование лично-притяжательных суффиксов непосредственно за основой имени, по его мнению, является более древним. Когда-то такой порядок был присущ всем уральским и алтайским языкам, однако затем нарушен в результате каких-то причин и в некоторых падежах порядок следования изменился: существительное + падежный суффикс + притяжательный суффикс. Б. А. Серебренников высказал предположение, что это вызвано образованием новых падежных показателей из послеложных конструкций, которые, как и существительные, могли присоединять к себе притяжательный суффикс (1962 : 311—312). Кроме того, более или менее свободный порядок следования лично-притяжательных суффиксов в уральских языках говорит о том, что они не потеряли своей первоначальной семантики, которая еще ощущается говорящими.

В кетском языке и в основном склонении селькупского языка уже не наблюдается такой свободы следования показателей, хотя в кетском языке в показателях родительного падежа единственного числа еще можно восстановить их местоименную основу.

В индоевропейских языках в склонениях на консонантные основы порядок следования формантов строго фиксирован: основа имени + консонантный основообразующий формант + падежный показатель. Во многих падежах консонантный основообразующий формант присоединяется или присоединялся ранее непосредственно к основе существительного без соединительного гласного (Whitney 1889 : 111, 139; Шантрен 1953 : 60—61; Барроу 1976 : 228—230; Прокош 1954 : 270—272).

Уральский показатель родительного падежа *-n-* в парадигматике имени занимает положение, сходное с расположением индоевропейских основообразующих консонантных формантов и показателя этого падежа в кетском языке. И хотя происхождение уральского показателя родительного падежа *-n-* до конца неясно, его возможное местоименное происхождение (Основы финно-угорского языкознания 1974 : 235—236) становится очевиднее при сравнении с кетским языком, в котором показатель родительного падежа единственного числа занимает ту же позицию, но имеет весьма прозрачную местоименную этимологию. В кетском языке в какой-то степени сохранилась дифференциация в построении падежей (это частично характерно и для селькупского языка): на основе показателя родительного падежа образуются такие падежи, как дательный, назначительный, местно-личный (Г. К. Вернер 1984 : 15—16), т. е. те падежи, в которых преимущественно встречаются названия живых существ. Для притяжательного, дательного, исходного, местно-личного, назначительного и звательного падежей в кетском языке имеются два ряда падежных аффиксов: одни выражают одушевленность вообще или же выделяют значение мужского пола, другие присоединяются к названиям неодушевленных предметов или

же к названиям одушевленных предметов, но всегда только существ женского пола (Дульзон 1968 : 70).

В финно-угорских языках лично-притяжательные суффиксы используются для выражения притяжательных отношений (например, принадлежности, обладания, отношения части к целому и т. п.), в «habeo»-конструкциях, при терминах родства, частей тела и предметов одежды (Основы финно-угорского языкознания 1974 : 268). То же наблюдается и в самодийских языках (Ким 1981 : 74—83). Употребление этих суффиксов в уральских языках не только для выражения обладания, принадлежности, но и с именами определенной семантики, которые в языках активной типологии относят к активному классу, свидетельствует о том, что эти показатели можно считать реликтами активной структуры имени.

Сопоставим приведенные в уральских языках группы субстантивов, которые обычно оформляются лично-притяжательными суффиксами, с группами существительных в языках активной типологии, способных принимать суффиксы органической принадлежности, т. е. именами активного класса: «... а) названия частей тела человека или животного, частей растения (а также органических частей некоторых предметов — сосуда, корзины и т. д.), б) номенклатура родства, в) обозначения таких тесно связанных с человеком и животным реалий и понятий, как 'имя', 'тень', 'изображение', 'следы (ног)', 'сон', 'стрела', 'трубка (курительная)', 'дом (туземный)', 'добыча', 'нора', 'гнездо' и некоторые другие. Без притяжательной флексии эти имена вообще не встречаются» (Климов 1977 : 143).

Проанализированные существительные консонантных склонений (т. е. присоединяющие консонантные основообразующие форманты) в древнегерманских языках составляют примерно такие же группы: 1) существительные, обозначающие отношения родства и свойства, 2) существительные, обозначающие людей, 3) существительные, обозначающие животных, 4) существительные, обозначающие части тела человека или животных, 5) существительные, обозначающие растения и их части, 6) существительные, обозначающие реалии, тесно связанные с человеком, 7) существительные, обозначающие явления природы (Осипова 1980 : 34—35; 26—27).

Исследуя древние склонения индоевропейских языков, Ф. Шпехт выделил группы существительных, которые очень редко относились к *o*- или *ā*-основам, а обычно оформлялись консонантными основообразующими формантами: 1) созвездия, обозначение времени, окружающая природа, небо, земля, огонь, вода, море, камни, горы, пещеры, ямы, дороги и т. д.; 2) окружающий человека мир животных и продукты этого мира; 3) мир деревьев и растений и изделия из них; 4) части тела; 5) семья, дом, жилище, орудия и т. д. (Specht 1947 : 5).

Нетрудно установить семантическую общность в вышеперечисленных группах существительных в уральских, индоевропейских и языках активной типологии. Их все можно рассматривать как имена активного (одушевленного) класса. Присоединение же в уральских языках к именам приведенных выше групп лично-притяжательных суффиксов, а в индоевропейских языках консонантных основообразующих формантов напоминает структурно и функционально суффиксы органической принадлежности в языках активной типологии. Поэтому не случайно, что в уральских языках одно из основных значений лично-притяжательных суффиксов — передача принадлежности, т. е. до сих пор они часто употребляются в своем прямом значении, например, иган. *сыты*

банту *маза кадяну ичү* 'Его собака около чума', букв. 'он собака-его чума около находится' (Терещенко 1979 : 95).

В древних индоевропейских языках принадлежностное значение консонантных основообразующих формантов можно обнаружить лишь в связанном виде: а) в сложных словах: др.-инд. *pitr-artham* 'дороги отца' (des Vaters Wege), греч. *'ἀνδρο-άρθια* 'военная добыча' (Waffenbeute), *μῦσ-φόνος* 'мышинное убийство', латин. *mus-cipula* 'мышеловка', букв. 'мышинная ловушка' и др. (см. Brugmann 1892 : 27, § 12); б) в адъективной природе *nomina agentis*: др.-инд. *udrá* 'выдра' (греч. *'ὕδωρ* 'вода'), первоначально 'животное, связанное с водой, водяное животное' (Барроу 1976 : 115); в) в суффиксах прилагательных: старослав. *мрѣтвѣ* 'мертвый', *милѣ* 'нежный, жалкий', *полѣнѣ* 'полный' и т. д. (см. Мейе 1951 : 281—282).

На базе лично-притяжательных суффиксов во многих уральских языках были образованы указательные или определенно-притяжательные склонения (Языки народов СССР 1966 : 20—21; Суханова 1962 : 84—85 и др.). Как правило, для выражения более отвлеченного значения — указательности или определенности — используются чаще всего показатели посессивности 2-го и 3-го лица, например, в коми-зырянском языке (Лыткин 1966 : 286). В современном коми языке определенно-притяжательный суффикс 3 л. ед. ч. чаще встречается со значением определенности (Суханова 1962 : 87). В коми-пермяцком языке для этой цели используется форма 3 л. ед. ч. (Лыткин 1966 : 304). Эта же особенность лично-притяжательного суффикса 3 л. ед. ч. отмечается в самодийских языках (Castrén 1852 : 220; Ким 1980 : 100—104 и др.). Следовательно, в тех языках, в которых лично-притяжательные суффиксы унифицируются, они начинают выражать значение определенности или указательности.

В свою очередь у некоторых индоевропейских консонантных основообразующих формантов можно обнаружить значение определенности. Это явление нам удалось установить в готском языке у существительных с основами на *-n*, в меньшей степени с основами на *-u*. В готском тексте сопоставлялись разносклоняемые слова, одно из которых с основой на *-n* или *-u*, как правило, выражало определенность, а второе с основой на гласные — неопределенность (Осипова 1980 : 44—46, 57, 59—63). Отмечено, что показатель *-n* способен выступать в качестве постпозитивного артикля в древнеармянском языке (Brugmann 1892 : 769; Туманян 1971 : 272). Известно, что окончания прилагательных в русском языке развились из основы указательного местоимения *-u*, которое первоначально выполняло функцию определенного члена (Горшкова, Хабургаев 1971 : 221).

Если же в индоевропейских языках у некоторых консонантных основообразующих формантов можно обнаружить значение определенности, то логично предположить, что это стертое значение могло возникнуть у них, как и в уральских языках, у лично-притяжательных суффиксов, на базе более конкретных значений, связанных с их происхождением. Таким более конкретным значением могло быть посессивное значение, которое сохранилось, как мы пытались показать, в связанном виде. Сопоставление употребления лично-притяжательных суффиксов в уральских языках помогает восстановить потерянный этап функционирования консонантных основообразующих формантов в индоевропейских языках.

Самодийский *n*-овый падежный показатель есть основания трактовать как реликтовый показатель активного падежа, который восходит к самостоятельному *n*-овому местоимению (Беккер, Ким, Осипова 1983 : 11—15). Косвенным подтверждением возможности употребления

показателей родительного падежа в прошлом для обозначения субъекта действия служит способность одной и той же формы личных местоимений в таких языках, как, например, индоевропейский, передавать именительный, родительный и винительный падежи (Терещенко 1979 : 163), а также использование существительного в косвенном падеже (местно-творительном) в приуральском говоре хантыйского языка в качестве субъекта действия (Русская 1962 : 261).

В древних индоевропейских языках наиболее прозрачна принадлежностная функция форманта *-n-*, который можно соотнести с самостоятельным указательным местоимением с основой на *-n-*: старослав. *онъ*, *оно* в значении 'то'; *ономо* 'там, туда' (Преображенский 1910—1942 : 656—657). Видимо, и другие консонантные форманты имели местоименное происхождение. По логике вещей, значение принадлежности и далее определенности могло развиваться у основообразующих формантов только на базе их местоименного происхождения. Б. А. Серебренников считает, что для выражения посессивных отношений к существительным присоединялись не личные местоимения, а указательные, способные обозначать различную пространственную градацию (1971 : 279). Поэтому не случайно, что в принадлежностной функции многие консонантные форманты встречаются и в суффиксах прилагательных.

Существование наречий, в которых сохранились форманты, тождественные показателю родительного падежа или лично-притяжательным суффиксам в уральских языках, а также консонантным основообразующим формантам в индоевропейских, является одним из косвенных подтверждений того факта, что некогда эти форманты служили падежными показателями. Например, об этом свидетельствует сохранение посессивных формантов в застывшем виде, например, коми *улиас* 'внизу', *вылиас* 'наверху'; фин. *uudelleen* 'снова' и др. (Суханова 1962 : 279). Судя по наречиям, такие посессивные форманты могли иметь очень широкие функции, т. е. не только выражать принадлежность, но и указывать на место, направление.

Индоевропейские основообразующие форманты также имеют косвенные свидетельства былого использования в качестве падежных показателей. Это т. н. местный падеж без окончаний, отмеченный многими лингвистами как особое явление (Бенвенист 1955 : 116—128; Барроу 1976 : 220, 233—234, 236, 240). Конечными же в таком падеже являются основообразующие форманты, т. е. фактически окончания, которые уже перестали ощущаться как показатели падежа. Кроме того, с этими же формантами употреблялись наречия во многих индоевропейских языках, например, древнеинд. *púnar* 'снова', *samí* 'наполовину', *hyás* 'вчера' и др. (Барроу 1976 : 261). Другим свидетельством употребления консонантных основообразующих формантов в качестве падежных показателей являются сложные слова, где данные форманты чаще всего передают значение принадлежности. И еще одно косвенное подтверждение того, что данные форманты могли обозначать падеж субъекта действия, — наличие одной и той же формы готского личного местоимения 3 л. ед. ч. *is* для именительного и родительного падежей; совпадение у некоторых существительных в хеттском языке этих падежей, а также возможности использования одной и той же формы имени в функции именительного, винительного, дательного-местного падежей (Иванов 1963 : 133, 138). Отметим также, что древнеармянский генитив мог выражать значение подлежащего в сочетании с прошедшим причастием и бытийным глаголом (Туманян 1971 : 189).

Отсюда допускаем, что консонантные основообразующие форманты в древних индоевропейских языках могли, как и реликтовый *n-*овый

падежный показатель и посессивные форманты в уральских языках, обозначать субъект действия, т. е. оформлять активный падеж.

Таким образом, наличие *n*-ового показателя в парадигме склонения имени и употребление лично-притяжательных формантов в уральских языках, равно как и сохранившиеся основообразующие консонантные форманты в парадигматике существительного в древних индоевропейских языках, мы относим к реликтам активной структуры имени. Все они имеют или имели типологически идентичные функции и, видимо, одинаковые пути возникновения.

ЛИТЕРАТУРА

- Барроу Т. 1976, Санскрит, Москва.
- Беккер Э. Г. 1978, Категория падежа в селькупском языке, Томск.
- Беккер Э. Г., Ким А. А., Осипова О. А. 1983, Роль показателя *n*- в системе склонения в самодийских и индоевропейских языках. — Проблемы этногенеза и этнической истории самодийских языков. Тез. докл. обл. науч. конф. по лингвистике, 1983, 11—15.
- Бенвенист Э. 1955, Индоевропейское именное словообразование, Москва.
- Валл М. Н., Вернер Г. К. 1973, Об истоках падежной системы в енисейских языках. — Происхождение аборигенов Сибири и их языков, Томск, 29—31.
- Вернер Г. К. 1974, Реликтовые признаки активного строя в кетском языке. — ВЯ, № 1, 34—45.
- 1984, К типологической характеристике родительного падежа в кетском. — Структура палеоазиатских и самодийских языков, Томск, 12—19.
- Вернер И. Г. 1972, Категория рода в кетском языке. Автореф. канд. дисс., Томск.
- Горшкова К. В., Хабургаев Г. А. 1981, Историческая грамматика русского языка, Москва.
- Дульзон А. П. 1968, Кетский язык, Томск.
- Иванов Вяч. Вс. 1963, Хеттский язык, Москва.
- Ким А. А. 1980, О связи категории притяжательности и категории определенности в селькупском языке. — Языки и топонимия, Томск, 100—107.
- 1981, Семантические основы сочетаемости лично-притяжательных суффиксов с именами существительными в селькупском языке. — Теоретические вопросы фонетики и грамматики языков народов СССР, Новосибирск, 74—83.
- Климов Г. А. 1977, Типология языков активного строя, Москва.
- Лыткин В. И. 1966, Коми-зырянский язык. — Языки народов СССР, т. 3, Москва, 281—299.
- 1966, Коми-пермяцкий язык. — Языки народов СССР, т. 3, Москва, 300—315.
- Мейе А. 1951, Общеславянский язык, Москва.
- Осипова О. А. 1980, Отражение категории одушевленности/неодушевленности в парадигме склонения в древнегерманских языках (на материале готского языка), Томск.
- Основы финно-угорского языкознания, Москва 1974.
- Прокофьев Г. Н. 1935, Селькупская грамматика, Ленинград.
- Прокош Э. 1954, Сравнительная грамматика германских языков, Москва.
- Преображенский А. Г. 1910—1942, Этимологический словарь русского языка, т. 1—2, Москва.
- Ромбандеева Е. И. 1966, Мансийский язык. — Языки народов СССР, т. 3, Москва, 343—360.
- Русская Ю. Н. 1962, О некоторых особенностях падежной системы приуральского говора хантыйского языка. — Вопросы финно-угорского языкознания, Ленинград, 257—274.
- Семереньи О. 1980, Введение в сравнительное языкознание, Москва.
- Серебренников Б. А. 1962, О причинах неодинакового порядка расположения притяжательных суффиксов в уральских и алтайских языках. — Acta Orientalia Academiae Hungaricae, Vol. 15, 311—313.
- 1971, К проблеме происхождения притяжательных суффиксов в тюркских и уральских языках. — Фонетика. Фонология. Грамматика, Москва, 277—282.
- 1979, Вероятностные обоснования в компаративистике, Москва.
- Суханова В. С. 1962, О семантике притяжательного суффикса 3 лица единственного числа в пермских языках. — Лингвистический сборник, вып. 1, Петро-заводск, 80—89.

- Терешкин Н. И. 1966, Хантыйский язык. — Языки народов СССР, т. 3, Москва, 319—343.
- Терешенко Н. М. 1979, Нганасанский язык, Ленинград.
- Топоров В. Н., Цивьян Т. В. 1968, Об изучении имени в кетском языке. — Кетский сборник, Москва, 229—246.
- Туманян Э. Г. 1971, Древнеармянский язык, Москва.
- Шантрен П. 1953, Историческая морфология греческого языка, Москва.
- Языки народов СССР, т. 3, Москва 1966.
- Brugmann, K. 1892, Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen, Bd. 2. Wortbildungslehre (Stammbildungs- und Flexionslehre), Strassburg.
- Castrén, M. A. 1854, Grammatik der samojedischen Sprachen, Sankt Petersburg.
- Specht, F. 1947, Der Ursprung der indogermanischen Deklination, Göttingen.
- Whitney, W. D. 1889, A Sanskrit Grammar, Leipzig—London.

О. А. ОСИПОВА (Tomsk)

COMMON TRACES OF ACTIVE STRUCTURE IN THE DECLENSION OF NOUNS IN URALIC, YENISSEIAN AND INDOEUROPEAN LANGUAGES

Uralic, Yenisseian and ancient Indoeuropean nouns show traces of different linguistic structure in their declension. The nouns, which may have possessive suffixes in Uralic languages and consonantal stem-building elements in Indoeuropean languages comprise nearly the same groups, to which possessive suffixes are joined in languages of active structure. The hypothesis is that ancient Indoeuropean consonantal stem-building elements represent the reflection of the former active case. In Uralic languages the relicts of the exponents of the active case are the exponents of the genitive case and the possessive suffixes. In Yenisseian languages (in Ket) such an exponent is found in the genitive singular.

Ancient Indoeuropean stem-building elements have naerly lost their meaning, and their position in a word is strictly fixed. Uralic possessive suffixes usually express possession or definiteness and their position in a word is not strictly fixed as yet. They originate from personal or demonstrative pronouns. The Uralic 2nd and 3rd person pronouns are more often taken as the exponents of definite declensions. Indoeuropean consonantal stem-building elements were sometimes used in the sense of the definite article. The meaning of possession remained when they served as the components of adjective suffixes or in compound words. The meaning of definiteness and possession must be connected with the origin of these exponents in the languages discussed. Only in Uralic and in Yenisseian languages the origin of these elements is easily traced. Comparison of Indoeuropean languages with Uralic and Yenisseian languages helps us to restore the lost stage in the development and functioning of Indoeuropean consonantal stem-building suffixes.